

рации позволяет прийти к выводу о том, что этими понятиями охватывается широкий круг ценностей, сохранить, а тем более приумножить которые без опоры на уголовный закон практически невозможно. А поэтому на повестку дня во весь свой рост встает вопрос о том, какой уголовный закон нужен стране для целей укрепления ее этих ее важнейших ценностей. Полагаем, что, помимо сугубо силовой «крепости», он должен обладать еще и определенным экономическим и, может быть, даже эмоциональным содержанием – с тем, чтобы не только «оправдать» демонстрируемую силу, но еще и убедить общество в том, что без достаточного масштабных национального достоинства, национального достоинства и национального богатства страны нет и весьма основательного материального и духовного благополучия каждого из нас.

Л.А. Лушина

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ПРАВСТВЕННОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мораль и право являются важнейшими ценностными ориентирами существования не только России, но и любого демократического государства мира.

В истории социального общения право и мораль, как известно, в основном предстают двумя традиционными комплексами правил и требований, поддерживающими определенный строй и ритм общения и содержащими ориентиры в различных вариантах добропорядочного и законопослушного поведения¹. При анализе указанной взаимосвязи, прежде всего, отмечается, что соотношение между официальными нормами и моральными стандартами (моральными категориями) представляют собой давнюю этическую и философско-правовую проблему, которая традиционно освещается с двух полярно противоположных позиций, а именно: а) с позиции *моральной обоснованности и оправданности права* (И. Кант, Вл. Соловьев, Л. Фуллер) и б) *их обособленности и несводимости друг к другу* (Дж. Остин и, отчасти, в компромиссной форме Г.Л. Харт)².

Некоторую промежуточную позицию в этом вопросе, как известно, занимают представители школы правового реализма (точнее, реалистического социально-психологического легизма) в лице О. Холмса и Дж. Френка, для которых право содержится не в нормах, а в судебном решении (прецеденте). Еще более распространенной следует считать научную традицию, также занимающую промежуточную позицию и сочетающую элементы социологизированного юридического позитивизма Г.Л. Харта³ и юснатурализма Гроция-Канта⁴. Нан-

более авторитетным ее представителем, в частности, стал Р. Дворкин, ученик кафедры Г.Л. Харта в Оксфордском университете.

В российском правоведении наибольший интерес к вопросу соотношения права и категорий морали проявили правоведы либеральной ориентации, которую невозможно воспринимать и оценить однозначно.

Так, для Б.Н. Чичерина право – это *внешняя свобода* человека, определяемая законом (в современном понимании данной концепции – социально обусловленная мера свободы), тогда как сфера (мера – Л.Л.) *внутренней свободы* воплощается в нравственности, носителем которой помимо индивида следует считать и церковь⁵.

М.М. Ковалевский все личные права считал итогом постепенного распространения нравственных требований солидарности и порождаемой ею идеи долга⁶, а Н.М. Коркунов, напротив, полагал, что право, в отличие от нравственности, никогда не обременяет себя вопросами различия добра и зла, а лишь формально (исключительно нормативно) определяет границы сталкивающихся (индивидуальных и (или) общественных) интересов и устанавливает права и обязанности субъектов правового общения⁷.

С.А. Муромцев, воспринимавший правовой порядок составной частью порядка общественного, всегда оставлял место для обсуждения вопросов соотношения права и нравственности. Он, в частности, включал в юриспруденцию наряду с догмой права (описание, систематизация, классификация и комментирование права) также объективно-научное изучение права (изучение права “как оно есть”) и политику права (“как оно должно быть”)⁸.

О том, что названные выше подходы не утратили своей актуальности, теоретического и практического значения и в современный период общественного развития свидетельствуют материалы научно-практической конференции: “Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода”, проведенной журналом “Государство и право” в 1998 году.

Так, в своем выступлении “О соотношении права и морали”, сделанном на данной конференции, В.С. Нерсесянц обосновал ряд достаточно значимых положений общеметодологического характера, характеризующих отдельные аспекты соотношения морали и права. Для надлежащей трактовки исследуемой проблемы, по его мнению, прежде всего, необходимо учитывать следующие моменты:

¹ См.: Кант И. Сочинения / И. Кант Т. 4.(I). – М., 1965. – С. 348. и др.

² См.: Цит. по: Зорькин В.Л., Чичерин Б.Н. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. – М.: МИУ, 1975. – 172 с.

³ См.: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон / М.М. Ковалевский – М., 1886. – С. 37.

⁴ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб, 1909. – С. 145.

⁵ См.: Цит. по: Зорькин В.Л. Муромцев С.А. – М.: Юрид. лит., 1979. – 127 с.

¹ Подробнее см.: Графский В.Г. Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / В.Г. Графский // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119.

² См.: Графский В.Г. Указ. соч. – С. 114.

³ См.: Hart H. L. A Law, Liberty and Morality, 1969.

1) право и мораль – это принципиально различные социальные явления, нормы, регуляторы¹;

2) специфическим принципом права (в его различении с официальным законом) является принцип формального равенства;

3) с точки зрения юридического правопонимания, принцип морали есть принцип автономной саморегуляции личностно отношения к себе и миру (добавим, и к праву – Л.Л.), своего поведения;

4) соотношение права и морали – это соотношение разных (социальных) принципов;

5) закон (позитивное право) должен быть правовым, но не моральным, религиозным и т. д. Морализация закона столь же ошибочна и вредна, как узаконение (огосударствление) морали².

Во многом с ним солидарен и В.Г. Графский, который также обратил внимание на следующие аспекты обсуждаемой темы:

1) исторически право и мораль пребывают в несомненной рядоположенности, в синхронном или диахронном сосуществовании, а, отчасти, и в неразличимой слитности³ и внутренней переплетенности, но также – в прагматической или теоретической обособленности;

2) по словам Августина, – отмечает В.Г. Графский, – мораль просит того, чего закон требует. Внутренняя и внешняя многослойная структурированность правовых и моральных требований (норм) или функций находят отображение в ценностных принципах и ориентациях участников социального общения, в культурной и мировоззренческой самоидентификации участников правовых и общественных отношений. При этом право, несомненно, сближает с моралью способность выполнять роль меры индивидуального и группового поведения в конфликтных ситуациях, в частности, способности служить масштабом и средством поддержания определенного строя отношений, именуемого общественным или правовым строем, правопорядком, добрыми нравами;

3) право – это не только набор официально установленных или признаваемых (в качестве естественных – Л.Л.) норм и требований, но также разновидность повторяющегося и устойчивого общения, в котором его участники обмениваются определенными (формально определенными) суждениями, демонстрируют свою (положительную) приверженность не только правовым, но и моральным (нравственным) ценностям, поддерживают дух законопослушности

¹ Тезис о том, что нравственность является одним из основных типов социальной регуляции, своеобразным способом организации реального процесса человеческой жизнедеятельности, стал настолько общин, что вряд ли нуждается в специальном доказывании. См. по этому поводу, напр.: Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – С. 20.

² См.: Вьет, В.С. Нерсеяна на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / В.С. Нерсеяна // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 115–116.

³ Так, нормы «не убей», «не укради», «не навреди ближнему своему» и т.п. являются имманентно присущими как правовым, так и нравственным требованиям общества.

и добропорядочной гражданственности. Во время тотального упадка правовой культуры мораль восполняет в той или иной степени главным образом психологические функции права и делает это совместно с обычаями или же с установленными требованиями властей. И мораль, и обычай в этом случае снабжают участников правового общения значительно большей уверенностью в устойчивости и предсказуемости упорядочиваемых общественных отношений, чем это делает закон⁴.

В поисках ответа на вопрос о реальном соотношении права и нравственности и юристы, и философы, уже не могут обойтись теми представлениями о нравственности, которые поставляет расхожая этика и моральистика. В данной связи им еще предстоит потрудиться над соответствующим концептом, привлекая наследие классической моральной философии. Существенным компонентом этого наследия является основательно проработанное различие нравственности и моральности.

Первое (нравственность – Л.Л.) понятие имеет в виду комплекс норм и обычаев, обеспечивающих выживание известной нравственной общности (этноса), по каким бы мотивам они не выполнялись. Это может быть и забота об одобрении авторитетов, страх перед остракизмом, желание избежать небесных наказаний и т.д.

Второе понятие (моральность – Л.Л.), подразумевает такие требования, которые подпадают универсализации, являются внутренним кодексом ответственной личности и соблюдаются ею “автономно и по долгу”, а не просто “сообразно долгу” (И. Кант)⁵.

Аналогичная задача встает и при осмыслении категории “право”. По мнению В.С. Соловьева, исследователям давно необходимо признать коренное различие между правосознанием и действующим правом. Правосознание нельзя понимать как простое отражение господствующих законов и установлений, как повседневную “юридическую компетентность”. Правосознание существует до и независимо от наличных законоуложений. Оно обладает достоинством правовой совести, активным, нормологическим, идеально-критическим темпераментом “естественного права”⁶. Поэтому, от суммарных, риторических сравнений морали и права пора перейти к квалифицированному сопоставлению нравственности и позитивного права, с одной стороны, моральности и правосознания, – с другой. Нравственность и позитивное право представляют собой различные нормативные образования, хотя и пересекающиеся друг с другом.

⁴ См.: Графский В.Г. Указ. соч. – С. 116.

⁵ Во многом подобной позиции придерживается и А.А. Гусейнов, строго различая в категориях морали и нравственности элементы, как морального сознания, так и нравственных отношений социума. // См.: Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – С. 24, 26–27 и след.

⁶ См.: Выступление В.С. Соловьева на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / В.С. Соловьев // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 115–116.

Морализация права и кодификация нравственности – одинаково недопустимы: они ведут к учреждению моральной полиции и морально-полицейского государства.

Более того, по мнению В.С. Соловьева, правосознание может рассматриваться в качестве особой сферы и высшего выражения автономной моральности. И. Кант понял и блестяще выразил это еще в 80-х годах XVIII века, утверждая, что именно: “Уважение к чужому праву есть первая из совершенных обязанностей”. В зрелом выражении это звучало бы так: уважение к правам человека есть первый категорический императив. Такова максима правозащитного поведения, найденная уже два столетия назад¹.

Практически аналогичную позицию по данному вопросу занимает и А.И. Пашинский, который, солидаризируясь с Б.Н. Чичериним и, отчасти, с В.С. Соловьевым, также рассматривает соотношение морали и права как субъективной (внутренней) и объективной (внешней) меры свободы. Свобода индивида, по его мнению, – основной итог и главный критерий достижений человеческой цивилизации на различных этапах ее исторического развития. Свобода может существовать в двух формах – права и морали. Однако право представляет собой **объективную, исторически необходимую форму свободы**, а мораль – **субъективную (личную) форму свободы**. Вполне естественно, что мораль как субъективная форма (точнее, мера – Л.Л.) свободы претендует на всеобщность и объективность своих принципов и максим. Только в праве всеобщность и объективность свободы находят свое реальное воплощение и институционализацию. История этических и религиозных учений свидетельствует о том, что мораль, как субъективная мера свободы человека, в т. ч. участника правовых отношений, может быть гораздо шире или уже той объективной меры свободы, которая исторически задана правом. Конечно, человек может сделать субъективным принципом своего поведения правовые принципы равенства, свободы и справедливости. В этом случае моральное сознание индивида сливается с правосознанием. Но только право, а не мораль проводит (и способно провести) разграничительную линию между свободой и произволом².

Д.И. Луковская, исследуя право и мораль с позиций их взаимосвязи и автономии, также отмечает необходимость учитывать как общие черты права и морали в качестве социальных регуляторов поведения людей, так и несомненные различия между ними. Прежде всего, и право, и мораль, – отмечает Д.И. Луковская, – представляют собой **определенную меру свободы индивида**. Взаимосвязь их при этом выражается в том, что право как мера свободы нуждается в

моральном самоограничении личности, а мораль – в ряде юридических ограничений во имя общественной нравственности.

Моральный беспредел порождает произвол вместо права. В свою очередь, несовместим с моралью произвол в собственно юридической сфере. Несомненная взаимосвязь морали и права не исключает, а предполагает существенные различия между ними как автономными социальными явлениями. Признание самостоятельной ценности морали по сравнению с правом пресекает возможные попытки использовать право в целях принудительного насаждения этических канонов государством. Идея же автономности права по отношению к морали не допускает проникновения патерналистских начал в правовую сферу. Отсюда, следует вывод о том, что право и мораль – различные, но не антагонистические социальные явления. Гиперболизация особенностей права и морали может привести к правовому нигилизму, с одной стороны, к освобождению от моральных принципов государства, правосудия и т. д. – с другой. Равным образом диалектическая взаимосвязь права и морали не означает их слияния. При всей смысловой “этической” нагруженности правовых явлений вряд ли правильно превращать мораль в компонент права, как и право – в категорию этики³.

Подводя итоги указанной дискуссии, можно, как представляется, вслед за Н.В. Колотовой, резюмировать вывод о том, что в социальной истории соотношение права и морали изменялось от эпохи к эпохе – от полной синкретичности до рационально обоснованной автономности. При этом в каждый конкретный период преобладал исторически определенный доминирующий тип соотношения. Поэтому и право, и мораль можно рассматривать как (относительно) самостоятельные нормативно-ценностные системы в единстве регулирующих и ориентирующих (аксиологических) функций⁴.

В целом же соотношение морали и права (в механизме регулирования практических общественных отношений) может быть охарактеризовано наличием как общих для них свойств, так и, несомненных, отличительных признаков, которые, в конечном итоге, позволяют более точно определить место, роль и значение каждого из этих социальных феноменов в механизме регуляции общественных отношений.

Так, в контексте **общего** (общих признаков, свойств) право и мораль (реализуемая, как нравственность в общественных отношениях):

а) имеют общие социальные и экономические *основания (детерминанты)* своего появления и функционирования, основными из которых, прежде всего, являются материальные условия развития государства и общества.

¹ См.: Выступление В.С. Соловьева на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 115–116.

² См.: Выступление А.И. Пашинского на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / А.И. Пашинский // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 118.

³ См.: Выступление на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / Д.И. Луковская // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 117.

⁴ См.: Выступление на конференции: Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода / Н.В. Колотова // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 117.

В свое время это точно отметил Ф. Энгельс, справедливо указывая, что «люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»¹. С развитием общественных отношений, соответственно, меняются содержание и критерий нравственности;

б) являются *ценностями (аксиологическими) формами* (индивидуального и общественного) *сознания*, объективно проявляющими себя в аксиологических оценках практических общественных отношений, субъектами которых выступают индивиды, общности или этнум в целом;

в) имеют *нормативное содержание*, выступая в качестве общеобязательного правила поведения (обращенного в будущее, одновременно этического и правового требования должного поведения) в обществе;

г) служат реальными *регуляторами*, складывающихся общественных отношений (с мягким их субъектным и объектным составом);

д) выступая (установленной, определенной, избранной) *мерой свободы*, являются *средством* поддержания определенного строя общественных отношений (правового и общественного порядка, стабильности в государстве и обществе), *средством согласования* (снятия) индивидуальных и общественных противоречий (индивидуальных и общественных интересов);

е) являются разновидностью *устойчивого, повторяющегося (социального) общения* в достаточно длительных временных (исторических) рамках;

ж) в качестве (обязательного) элемента своего содержания *обеспечены принуждением*. И если в праве принуждение априори является неотъемлемым признаком (свойством) права как регулятора, то в сфере моральной саморегуляции и практических нравственных отношений принуждение носит как бы идеальный характер. Последнее, во многом объясняется тем, что движущей силой, демиургом нравственности является высшее начало (разум, сознание). Однако поскольку нравственные категории, порожденные и принятые разумом в качестве определенной ценностной моральной установки личности, прилагодятся к другой сфере: предметно-чувственному миру человека, к сфере практических общественных отношений, в которых они реализуют себя, данные моральные определения (и соответствующие им нравственные требования) всегда выступают по отношению к последней (к сфере нравственных отношений; сфере автономной моральной саморегуляции социального поведения личности) внешней и в определенном смысле чуждой принудительной силой.

Нравственные законы, — отмечает А.А. Гусейнов¹, — почерпнутые (по Канту — Л.Л.) из «высшего» умопостигаемого мира «вещей в себе», не могут быть перенесены в «низший» чувственный мир явлений иначе, как в форме должен-

¹ Энгельс, Ф. Литтл-Дворинг. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. — С. 95.

ствования, принуждения. Правда, принуждения особого рода, «принуждения разумом», как выражается И. Кант¹, но, тем не менее, все же принуждения. Во многом именно в силу названных (и иных) свойств, право и нравственность (мораль) находятся в неразрывной органической связи, взаимно дополняя и обуславливая друг друга в механизме регулирования, складывающихся общественных отношений;

з) и право, и мораль — это социальные по сути, понятия. Мораль, как и право, объективно отражает интересы определенного класса (общности, социальной группы, объединенной в нравственный этнум).

Вместе с тем являясь относительно самостоятельными социальными феноменами, право и мораль объективно *различны* в том, что:

а) входят в социальную культуру государства и общества в качестве относительно *самостоятельных социальных феноменов*, и излишняя морализация права также вредна, как кодификация (огосударствление) морали;

б) право — это *внешняя*, исторически необходимая форма (*мера*) *свободы*; мораль — *внутренняя* форма (*мера*) *свободы*, во-первых, объективно проявляющая себя как принцип автономной саморегуляции личностью своего ценностного отношения к миру (к социальному, правовому, нравственному и т. п. бытию); во-вторых, как поведенческая (деятельностная по форме) мера свободы, проявляющая себя в нравственных или безнравственных (с точки зрения социума) общественных отношениях;

в) в праве — законополагающим (требующим) субъектом изначально *является государство*, которое через (свои) общеобязательные к исполнению нормы проводит волю экономически и политически господствующего класса (группы, клки и т. п.). В морали — субъектом нравственного требования, вменяемого к исполнению множеству отдельных индивидов, *является общность в целом*, вырабатывающая своим практическим опытом и поддерживающая своим коллективным (аксиологическим, по сути) воздействием общепринятую (нравственную) норму поведения;

г) в праве — *объектом вменения* нормативных требований (в смысле объекта вменения, оценок и санкций) являются все члены данного общества, и в этом смысле данные нормы имеют социально-всеобщий нормативный характер. В морали — то или иное нравственное требование, с одной стороны, распространяется лишь на членов той общности (национальности, этнической или социальной группы, ассоциации), которая эти нормы практикует или так или иначе подчиняется им, с другой стороны, мораль, как раз и отличается от обычая тем, что, приобретая качество всеобщей общеобязательной нормы, прорывает границы традиционно-этических и внутригрупповых норм, противопоставит им как нечто более широкое, объемлющее, всеобщее;

¹ См.: Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. — С. 44.

д) нормы права – обязательно выражены в *юридических актах*; нормы морали – отражены в *общественном мнении*. Если они и собраны (как бы «кодифицированы») в том или ином «моральном (этическом и т. п.) кодексе», то он объективно не может быть воспринят (и принят) социумом как нормативный, по сути, юридический акт;

е) право и мораль охватывают в регулировании *разные по объему* области общественных отношений, так как целая отрасль (нравственных, по форме и сути) взаимоотношений в быту, семье, коллективе, на работе и т. п. не нуждается в нормативном (правовом) своем регулировании;

ж) различен и *механизм их воздействия на поведение* индивидов: право – требует того, что мораль просит. Соответственно, нормы морали (нравственности) исполняются в силу *личной (внутренней) убежденности индивида* в их справедливости, полезности, необходимости и т. п.; нормы права, – как правило, в силу *внешнего властно-волевого*, во многом насильственного по сути, *воздействия* государственно-организованной воли. В данной связи и внутренним, и внешним гарантом надлежащего исполнения правовых предписаний (норм) во многом выступает именно потенция (насильственного) государственного принуждения, в то время как внутренним гарантом исполнения нравственных требований выступает сама совесть индивида, а внешним гарантом – общественное мнение в системе его нравственных одобрений или осуждений. В этом контексте моральные санкции, как уже отмечалось, в отличие от правовых норм, носят как бы идеальный характер;

з) обнаруживаемые пробелы и несовершенства в области правового регулирования (при наличии к тому соответствующей законодательной воли) достаточно легко корректируются новым законом. Сложнее обстоит дело с коррективами в области моральной регуляции, так как требования и правила последней используются на протяжении жизни многих (нередко, десятков) поколений, нескольких исторических эпох;

и) наконец, законодателя, как правило, не интересуют мотивы правомерного (законопослушного) поведения индивида (общности, группы, социума в целом), пунктуально исполняющего (исполняющих) официальный закон. В то же время нравственная сторона индивидуального поведения, для того чтобы быть правильно понятой в онтологическом смысле, требует проникновения в сущность мотивов нравственных действий и поступков индивида, ибо моральные нормы являются внутренним кодексом *только ответственной личности* и соблюдаются ею «автономно и по долгу», а не просто «сообразно долгу» (И. Кант). В данной связи, скрупулезно соблюдая закон, не высказывая отрицательного (негативного) к нему отношения, можно не быть собственно субъек-

том правового нигилизма, являясь в то же время субъектом той или иной формы нигилизма нравственного.

Правильное понимание и эффективное использование названных выше особенностей, общих и отличительных признаков права, морали и нравственности как диалектически взаимосвязанных и одновременно относительно самостоятельных ценностных ориентиров современной России, позволит скорректировать правовую систему нашего государства. Необходимо стремиться к тому, что бы содержащиеся в правовой системе ценности были востребованы гражданским обществом и не пересекались с его нравственными приоритетами, а наоборот взаимно поддерживались, дополнялись и получали обоснование друг в друге.

А.В. Петрянин

ПРОБЛЕМЫ НАРКОТИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Наркомания не просто болезнь в обычном понимании этого слова и не обыкновенный порок из числа тех, что присущи здоровым людям. Наркомания – это тотальное, то есть затрагивающее все стороны внутреннего мира человека, его отношения с другими людьми и способы существования, поражение личности, в большинстве случаев осложняющееся резким ухудшением физического здоровья. Человек, вставший на путь наркомана, постепенно уничтожает свои лучшие нравственные качества; становится психически не вполне нормальным; теряет друзей, семью, родных; не может приобрести профессию или забывает ту, которой раньше владел; остается без работы и вовлекается в преступную среду; приносит множество несчастий себе и своим близким и, наконец, медленно и верно разрушает свое тело, свой мозг.

Особую обеспокоенность вызывают наркомания среди молодежи. Беспрецедентный для страны рост заболеваемости наркоманией и токсикоманией среди подростков отмечается с начала 90-х годов. Вместе с тем число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними увеличивается из года в год. Растет их удельный вес и в общем числе преступлений. Положение усугубляется ростом числа преступлений, совершаемых против несовершеннолетних. Как следствие этого, растет число несовершеннолетних жертв преступлений.

Вместе с тем возрастает социальная потребность предупреждения наркопреступлений и профилактики поведения несовершеннолетних. За нарушение правил и порядка деятельности, связанной с оборотом наркотических средств может наступить административная и уголовная ответственность, в соответствии с действующим законодательством.

¹ См.: Кант И. Сочинения / И. Кант. – Т.4. (I). – С. 349.